

Научная статья

УДК 78.071

DOI: 10.26086/NK.2024.72.1.003

## Последние письма Г. Г. Нейгауза

**Гуревич Владимир Абрамович**

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: [gourevich@mail.ru](mailto:gourevich@mail.ru); ORCID 0000-0001-6652-1368

**Аннотация.** Данная статья является закономерным продолжением серии исследований В. А. Гуревича о своей матери — Софье Михайловне Хентовой (1922–2002) — советской пианистке, музыковед, педагоге, журналистке. Софья Михайловна вела активную переписку со многими деятелями искусства в числе которых — художники, писатели, режиссеры театра и кино, музыканты. В данной статье — публикуемые впервые письма великого советского педагога и пианиста Генриха Густавовича Нейгауза (1888–1964), направленные Софье Михайловне Хентовой, волею судьбы оказавшиеся последними свидетельствами их многолетних творческих контактов. Появление этих писем связано было с подготовкой к печати сборника статей «Выдающиеся пианисты-педагоги о своем искусстве», для которого С. М. Хентова собрала ряд уникальных материалов, авторами которых явились крупнейшие представители фортепианной педагогики XX века. Написанные на исходе жизненного пути великого мастера, письма Г. Г. Нейгауза неопровержимо свидетельствуют о продолжавшемся до последних дней его земного пути процессе творческих поисков, стремлении открывать новые страницы, новые возможности современного фортепианного педагогического искусства. Особый колорит текстам придает глубоко личностный оттенок, запечатленный в подробностях, деталях, оценке прошлого и настоящего, грустной и светлой интонации, пронизывающей каждую строку писем.

**Ключевые слова.** Пианизм, педагогика, научная концепция, творческая индивидуальность, исполнение, интерпретация.

**Для цитирования:** Гуревич В. А. Последние письма Г. Г. Нейгауза // *Актуальные проблемы высшего музыкального образования*. 2024. № 1 (72). С. 14–18. <http://doi.org/10.26086/NK.2024.72.1.003>

Original article

## Last letters by H. G. Neuhaus

**Gurevich Vladimir A.**

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: [gourevich@mail.ru](mailto:gourevich@mail.ru); ORCID 0000-0001-6652-1368

**Abstract.** This article is a natural continuation of V. A. Gurevich's series of research on his mother, Sofia Mikhailovna Khentova (1922–2002), a Soviet pianist, musicologist, teacher, and journalist. Sofia Mikhailovna kept an active correspondence with many artists, including painters, writers, theater and film directors, and musicians. This article presents the first published letters of the great Soviet pedagogue and pianist Heinrich Gustavovich Neuhaus (1888–1964) sent to Sophia Mikhailovna Hentova, which, by fate, turned out to be the last evidence of their long-term creative contacts. The appearance of these letters was connected with the preparation for publication of a collection of articles “Outstanding piano teachers about their art”, for which S. M. Khentova collected a number of unique materials, the authors of which were the largest masters of piano pedagogy of the twentieth century. Written at the end of the great master's life, the letters of H. G. Neuhaus irrefutably testify to the process of creative searches that continued until the last days of his earthly journey, the desire to open new pages, new possibilities of modern piano pedagogical art. A special flavor is given to the texts by a deeply personal shade, imprinted in details, details, an assessment of the past and present, a sad and bright intonation that permeates every line of letters.

**Keywords:** Pianism, pedagogy, scientific concept, creative individuality, execution, interpretation

**For citation:** Gurevich V. A. Last letters by H. G. Neuhaus. *Aktualnye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya* = *Actual problems of higher music education*. 2024; 1(72); 14–18 (In Russ.). <http://doi.org/10.26086/NK.2024.72.1.003>

В огромном, насчитывающем десятки тысяч страниц архиве Софьи Михайловны Хентовой<sup>1</sup> находится множество уникальных материалов, отразивших ее беспримерную по творческой про-

дуктивности (48 опубликованных книг и свыше тысячи статей) научную и публицистическую деятельность. Есть в этом хранилище и сотни писем: живые следы общения с выдающимися

деятели мировой культуры XX века: музыкантами, писателями, художниками, артистами и режиссерами театра и кино. Переписка с ними всегда была предметом особого внимания Софьи Михайловны. Она позволяла ей «держать руку на пульсе» современной художественной жизни страны и мира, не говоря уже о помощи в конкретной работе над очередной книгой или статьей. К числу таких писем относятся и письма Генриха Густавовича Нейгауза<sup>2</sup>, с искренней симпатией относившегося к Хентовой еще со времен учебы Софьи Михайловны в Московской консерватории в классе Льва Николаевича Оборина.

Первая же встреча великого педагога с Софьей Хентовой состоялась еще в конце 1930-х годов, когда семнадцатилетняя выпускница Витебского музыкального училища приехала на «смотрины» в столицу. Перед ней был выбор: поступать в Московскую или в Ленинградскую консерваторию. Хентова показала свою программу нескольким московским профессорам, в том числе Г. Г. Нейгаузу и удостоилась его положительного отклика. Семейные обстоятельства в итоге сложились все-таки в пользу Ленинграда, где жил и работал старший брат Софьи Михайловны. Поэтому осенью 1940 года она стала студенткой первого курса ленинградского вуза по классу профессора Григория Михайловича Бузе. Летом 1941-го с началом войны учеба оказалась прерванной. Софья Михайловна продолжила фортепианное образование в эвакуации в Горьком, в тамошнем музыкальном училище, под руководством Нины Николаевны Полуэктовой. Став лауреатом Всероссийского конкурса музыкальных училищ, Хентова смогла в 1943 году с группой горьковских журналистов (а журналистика стала ее второй профессией) побывать в еще не освободившемся от блокады Ленинграде. Но Ленинградская консерватория находилась тогда в эвакуации в Ташкенте. И Софья Михайловна приняла решение перевестись в Московскую консерваторию, тем паче, что слушавший ее на конкурсе Л. Н. Оборин обещал взять Хентову в свой класс. Свое обещание Лев Николаевич выполнил, и она три года провела в стенах московского вуза, в классе своего главного учителя. Так что вернувшийся из свердловской ссылки Г. Г. Нейгауз стал свидетелем пианистических успехов Хентовой консерваторских лет, что сыграло, бесспорно, позитивную роль в его добром благожелательном отношении ко всему, что она делала в дальнейшем на пианистическом поприще.

Разумеется, творческие контакты двух музы-

кантов стали носить постоянный характер после того, как увидели свет ее статьи и монографии о крупнейших мастерах мировой фортепианной музыки. Нейгауз был рецензентом книг Хентовой об Эмиле Гилельсе [3], Маргарите Лонг [4], Артуре Рубинштейне [4], с которым Нейгауз дружил с елисаветградских отроческих лет. Генрих Густавович никогда не отказывал Софье Михайловне в рекомендациях и советах. В частности, во многом благодаря его поддержке лучшему ученику Хентовой Виталию Берзону удалось прорваться в число участников Международного конкурса имени М. Лонг и Ж. Тибо и стать лауреатом этого престижного соревнования. Софья Михайловна многократно присутствовала на занятиях Нейгауза в консерватории, итогом которых стали ее дневниковые записи, отразившиеся в статьях о фортепианном исполнительстве и педагогике.

Особое значение приводимых писем определяется тем фактом, что все они относятся к последнему году жизни великого педагога и рассказывают о замысле нового труда о фортепианной игре, который был задуман в ответ на просьбу Хентовой написать статью для планировавшегося сборника «Выдающиеся педагоги-пианисты о своем искусстве».

Письмо, датированное 1 октября 1964 года, оказалось, по-видимому, последним, написанным Генрихом Густавовичем Нейгаузом, ушедшим из жизни 10 октября того же года.

### Письмо первое<sup>3</sup>.

29\VI\64 Планерское Крым ул. Калинина 11.  
Многоуважаемая София Михайловна!

Письмо Ваше я получил — и страшно устыдился: я совершенно забыл о данном Вам обещании, где-то подспудно тлело: я что-то должен написать, но что?

Теперь Вы меня вывели из забвения, но вероятно я уже все прозевал: я ведь ни слова не написал, а сборник должен появиться (или печататься) уже в июле! Что мне делать? Не скрою от Вас, что мне страшно надоела фортепианно-педагогическая тема — на свете столько гораздо более интересных вопросов!

Но в общем Ваше письмо меня как-то «рас толкало»; я подумал, что о моем опыте и моих мыслях по поводу форт(е)пианной игры и педаг(о)гики я мог бы написать совсем по-другому, чем я это сделал в моей книжке; я мог бы даже преодолеть мою неохоту. Но вряд ли я смогу это быстро написать, тем более, что я некоторое время

болел (сердце не хотело работать — теперь лучше, но апатия, физиологический «пессимизм» ужасные). Поэтому прошу Вас написать мне сейчас же, стоит ли начинать, не поздно ли? А если все-таки захотите что-нибудь мое напечатать, то каковы крайние сроки предоставления рукописей? Думаю, что я уже все проморгал.

Если Вам нетрудно, дайте краткую телеграмму: стоит или не стоит. В соответствии с этим буду писать — или не писать. Простите старика за его дырявую голову. Буду рад известию от Вас. Вы очень хорошо сделали, что написали об Оборине; знаете известный палиндром Софроницкого: велик Оборин, он робок и лев.

*Искренно приветствую Вас  
Ваш Г. Нейгауз*

**Комментарий.** Идея создания сборника статей крупнейших педагогов-пианистов — представителей ведущих мировых пианистических школ — возникла у С. М. Хентовой в начале 1960-х годов как следствие ее работы над циклом монографий о мастерах современного пианизма (книги об Э. Гилельсе, В. Клиберне, Д. Шостаковиче-пианисте, Артуре Рубинштейне, Л. Оборине, М. Федоровой, перевод книги А. Стоянова и др.). В связи с этим Софья Михайловна обратилась к ряду выдающихся пианистов-педагогов с просьбой написать свои соображения по вопросам фортепианной культуры и ее проблемам, уделив основное внимание педагогике, но не ограничиваясь ею. Естественно, одним из первых был Г. Г. Нейгауз. Весной 1963 года, поздравляя Генриха Густавовича с 75-летием, Софья Михайловна заручилась его согласием.

#### **Письмо второе.**

*10\VII\64 Планерское Крым ул. Калинина 11.  
Дорогая София Михайловна!*

Постараюсь исполнить Вашу просьбу, хотя до сих пор ни тени «вдохновения» не могу в себе отыскать. Но сегодня сяду что-то записывать. Мне только очень неловко, что из-за меня задерживается выпуск книжки. Об этих темах — которые Вы наметили — довольно трудно писать сжато и лаконично, а я так не люблю размазывать! Но знаю, что именно детали, напр(имер): наблюдения за совершенно различными учениками и стремление подвести их елико возможно к одной цели (как я ее понимаю), и вытекающее из этого разнообразие приемов, было бы, пожалуй, интереснее, чем констатация общеизвестных, «обязательных» истин. Но с другой стороны мне,

как старому старику, выдавшему виды, хочется по возможности свести весь мой опыт к кратким *теоретическим положениям*, но боюсь, что это будет «сухо» и непривлекательно. Ну, посмотрим, авось вылезу из этого трудного двойственного положения. Я вернусь в Москву в первых числах сентября, беда в том, что до этого я никак здесь не смогу представить мою рукопись, переписанную на машинке, как полагается в таких случаях. Что, если бы мы отложили присылку Вам готовой, уже переписанной рукописи, скажем, до 5-го сентября? Впрочем — это вряд ли Вас устроит, потому что остальные записки ведь уже готовы?

Напишите мне об этом, пожалуйста!

Беда со мной, — иногда голова лопаается от мыслей, а иногда, как сейчас — старческая лень одолевает и совершенная пустота в душе!

*Шлю Вам сердечный привет и с нетерпением жду книжку о Шостаковиче-пианисте.*

*Искренне Ваш Г. Нейгауз*

**Комментарий.** Письмо, ярко демонстрирующее постоянное желание Нейгауза искать и находить нечто новое в давно знакомых общеизвестных темах. Крайне ценно стремление Генриха Густавовича обобщить свой опыт в кратких теоретических положениях. Возможно, оно все же было в какой-то степени зафиксировано в его черновых записях, еще не найденных и не проанализированных исследователями.

#### **Письмо третье.**

*6\VIII\64 Планерское  
Дорогая глубокоуважаемая  
София Михайловна!*

Мне страшно стыдно, но должен Вас огорчить: здоровье мое настолько плохо, что гл(авным) обр(азом) лежу, даже ходить стало трудно, нога болит (сосуды, склероз) — сердце ведет себя неприлично: непрерывные перебои и смятение, держусь лекарствами. Не могу заставить себя, в связи с этим состоянием, начать писать то, что Вам обещал, но еще не потерял надежду, что если мне станет хоть немного лучше, то что-нибудь напишу, хотя, конечно, немного, м.б. вроде «preambule» (преамбулы — *В. Г.*) к книжке, на большее, ей богу, не способен. Голова как-то удивительно опустела. Не знаю даже, с чего начать. Даже краткий перечень тем, которые Вы наметили, — это почти тема моей биографии (музыкальной ее части), а я думаю больше об Э. Т. А. Гофмане. Придется найти форму среднюю между биографией и эпитафией.

Представляю себе ясно, как Вы мною недо-

вольны, и угрызаюсь безмерно! С головой у меня тоже неладно, — несносные спазмы сосудов изгоняют всякие хорошие мысли. Но читал все-таки много. Замечательно: «Музыкальная поэтика» Стравинского. Умнейшая книга! Читаю по-французски, перевод тяжелый. Все, что он говорит об исполнительстве (двуединство: *execution* и *interpretation* (исполнение и интерпретация — В. Г.) совершенно совпадает с моими взглядами. У Хиндемита тоже много верного об исполнительстве. Но вернуться к исполнительству Моцарта или Баха так же невозможно, как вернуться к первобытному коммунизму.

Дорогая София Михайловна! Напишите мне быстро, пока я еще не уехал, как Вам представляется то, о чем я должен написать. М.б., это меня сдвинет с мертвой точки. Я еще не потерял надежды, что вдруг «очухаюсь» — и быстро напишу. Не сердитесь на меня очень. Я совсем больной. А это настраивает мысли на особый лад.

*Сердечный привет*

*Ваш Г. Нейгауз*

**Комментарий.** Письмо удивительное по внутренней эмоциональной силе и интеллектуальной мощи. Тяжелобольной человек, понимающий, что жизнь подходит к завершению, вопреки ситуации, полон мыслей и идей и не собирается поддаваться мрачным предчувствиям. Сравнение с Э. Т. А. Гофманом и особенно ироническое уподобление будущей статьи то ли биографии, то ли эпитафии, не говоря уже об афористически точной оценке прочитанной литературы (Стравинский (по-французски!) и Хиндемит) неопровержимо свидетельствуют об особом, беспредельно волевом характере нейгаузовского интеллекта.

#### **Письмо четвертое.**

*1/X\64*

Многоуважаемая София Михайловна!

Вот мои печальные события. Ваше письмо из Коктебеля было мне передано (хотя с опозданием, потому что с оказией). Я его прочел, вкладку тоже — и после потерял все это, совершенно нелепо и непонятно (у меня иногда «делают порядок», после чего я ничего найти не могу). Теперь отвечу Вам: я уже больше недели лежу в больнице (Институт им. акад(емика) Вишневого, Б. Серпуховская 27) и дело довольно серьезное — сердце не хочет работать, и его всячески заставляют и уговаривают, кажется — дело долгое. Если Вам не лень, София Михайловна, пришлите мне еще раз текст этой «декларации», я склонен ее подписать, толь-

ко не надо *никаких фамилий* лауреатов-педагогов). Сие — на случай, если Вы считаете, что нужно хоть какое-нибудь мое участие в этом сборнике.

Пишите мне лучше на мой дом. адрес: Москва, Г-146, Комсомольский проспект, 27, кв. 92.

(Имел письмо: хотят меня переводить в Америке, Франции, Польше etc. Я не очень этого хочу, книжка (ф.п.и(скусство)) слишком все-таки носит отпечаток своего времени, где господствовали 4 К: культы, культики, культишки, культяпки.

Будьте здоровы и напишите, пожалуйста.

Вашего «Шостаковича» получил, прочел и писал Вам об этом.

*Сердечные приветы*

*Г. Нейгауз*

**Комментарий.** Понимая всю серьезность болезни Г. Г. Нейгауза, С. М. Хентова на основе его высказываний подготовила в сжатом виде текст, который являл собой краткий перечень узловых вопросов современной фортепианной педагогики, и послала его Генриху Густавовичу. Повторно этот материал Софья Михайловна послать не успела: письмо Нейгауза пришло в Ленинград накануне его ухода из жизни 10 октября 1964 года.

В заключение позволю себе привести текст выступления С. М. Хентовой на прощании с Г. Г. Нейгаузом. Софья Михайловна сохранила его вместе с последними письмами великого музыканта:

«Из жизни ушел сегодня не один человек. Ушло целое поколение, эпоха в советском фортепианном искусстве, истории Московской консерватории. В XX веке не было педагога-пианиста, более значительного, чем Генрих Густавович Нейгауз. Он связал три фортепианные культуры: русскую, польскую, немецкую. Он создал школу, и сегодня пианисты, музыканты во всем мире оплакивают эту потерю. Но сила Нейгауза была не только в его исключительном таланте: он жил страстно, полно, ярко и ничто человеческое не было ему чуждо. Как всякая выдающаяся личность, он оказал огромное влияние не только на тех, кто с ним часто и непосредственно общался здесь, в этих стенах. Он обладал магнетической силой великого таланта, привлекавшей людей, влиявшей на их отношение к искусству. Я бы сказала, что он обладал редкой способностью заражать людей своей блистательной талантливостью.

Ленинград ему многим обязан. Он приезжал к нам часто. Совсем недавно, в 1962 году после тяжелой операции он все же приехал на празднование 100-летия консерватории. Нельзя забы-

вать, что очень давно, три десятилетия назад он одним из первых играл фортепианные сочинения молодого Дмитрия Шостаковича, когда их еще мало признавали, он и его ученики помогли признать Прокофьева. Ленинградские композиторы видели в нем музыканта, который умеет видеть в новых сочинениях лучшее и поддерживать эти ростки с чутьем и доброжелательностью.

Значение каждой потери определяет время. Музыкантам будет сейчас много труднее противостоять потоку делового пианизма, против которого восставал Нейгауз, и сохранить возвышенный дух фортепианного исполнительства. Хранить память — значит хранить дела человека: его педагогику, его литературное наследие — Нейгауз был блестящим музыкальным писателем — его игру. Это сейчас всеобщая цель.

Генрих Густавович Нейгауз многое сделал для людей, и люди навсегда сохраняют о нем благодарную память».

#### Примечания

<sup>1</sup>Софья Михайловна Хентова (1922–2002) — советская пианистка, ученица Л. Н. Оборина, представительница игумновской фортепианной школы. Педагог Ленинградской консерватории. Автор научных публикаций о Д. Д. Шостаковиче, а также выдающихся пианистах XX века — Э. Гилельсе, В. Клиберне, А. Рубинштейне. Подробнее о С. М. Хентовой см.: [1].

<sup>2</sup>Генрих Густавович Нейгауз (1888–1964) — выдающийся советский педагог и пианист. Блестящий интерпретатор произведений А. Н. Скрябина. Фортепианная школа Г. Г. Нейгауза известна во всем мире, среди его учеников признанные мастера фортепианного искусства XX века — Э. Гилельс, С. Рихтер, Т. Гутман, Б. Маранц и многие другие. Подробнее о нем см.: [2].

<sup>3</sup>Из архива С. М. Хентовой. Санкт-Петербург.

#### Список источников

1. Гуревич В. А. Жизнь и судьба музыканта (к столетию С. М. Хентовой) // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2022. № 3 (65). С. 49–55
2. Маранц Б. С. Генрих Нейгауз // Берта Маранц: Играть? Обязательно играть! Воспоминания, статьи, переписка. К 100-летию со дня рождения. Нижний Новгород: ДЭКОМ, 2007. С. 303–307.
3. Хентова С. М. Эмиль Гилельс. М.: Музгиз, 1959. 181 с.

4. Лонг М. Фортепиано: школа упражнений / ред. С. М. Хентова. Л.: Музгиз, 1963. 125 с.
5. Хентова С. М. Артур Рубинштейн. М.: Советский композитор, 1971. 161 с.

#### References

1. Gurevich, V. A. (2022), “The life and destiny of the musician (to the centenary of S. M. Khentova)”, *Aktualnye problemy vysshego muzykalno-go obrazovaniya* [Actual problems of high musical education], vol. 3 (65), pp. 49–55.
2. Marants, B. S. (2007), “Heinrich Neuhaus”, *Berta Marants: Igrat'? Obyazatel'no igrat'! Vospominaniya, stat'i, perepiska. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Bertha Marantz: Play? Be sure to play! Memoirs, articles, correspondence. To the 100th anniversary of his birth], DEKOM, Nizhny Novgorod, Russia, pp. 303–307
3. Khentova, S. M. (1959), *Emil Gilel's* [Emil Gilels], Muzgiz, Moscow, USSR.
4. Long, M. (1963), *Fortepiano: shkola uprazhneniy* [Piano: a school of exercises], ed. by S. M. Khentova, Muzgiz, Leningrad, USSR.
5. Khentova, S. M. (1971), *Artur Rubinshteyn* [Arthur Rubinstein], Sovetskiy kompozitor, Moscow, USSR.

#### Информация об авторе

В. А. Гуревич — доктор искусствоведения, профессор

#### Information about the author

V. A. Gurevich — Doctor of Musical art, Professor

Статья поступила в редакцию 03.02.2024; одобрена после рецензирования 03.03.2024; принята к публикации 23.03.2024.

The article was submitted 03.02.2024; approved after reviewing 03.03.2024; accepted for publication 23.03.2024.